

ТРОФИМЕНКО Василий Георгиевич

**Возникновение и деятельность православных церковных братств на
Европейском Севере России в 1864-1918 гг.**

Специальность 07. 00. 02. - Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Архангельск — 2010

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ГОУ ВПО «Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор
Зашихин Андрей Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Федоров Павел Викторович
кандидат исторических наук
Давыдов Руслан Александрович

Ведущая организация - **Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.**

Защита состоится «__» _____ 2010 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д212.191.02 при Поморском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7, учебный корпус № 2, аудитория № 201.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова по адресу: 163002, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 4.

Автореферат разослан _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Ф.Х. Соколова

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения регионального исторического опыта, накопленного в период системного кризиса Русской православной церкви, с особенной остротой проявившегося в конце синодального периода ее истории в 1864-1918 гг. Эта необходимость продиктована тем, что проблемы, которые стоят перед современным российским обществом, во многом схожи с теми, которые были актуальны для общества конца XIX — начала XX вв. В наши дни продолжается активный поиск ответов на вопросы о роли Русской православной церкви и ее институтов в меняющихся социально-политических условиях.

В этой связи большую значимость приобретает осмысление опыта общественно-политической деятельности православных религиозных общественных организаций в конце XIX – начале XX вв., анализ причин кризиса охранительно-стабилизирующей роли православной церкви в обществе. Особенно важно при этом изучение специфики развития православной церкви в провинциальной России, в её различных регионах. Это позволит наиболее полно реконструировать историческую ситуацию в стране. Обращение к данной теме имеет большое научно-практическое значение, так как позволяет ответить на вопрос, в какой мере успешными были усилия государства и церкви по оживлению жизни приходских общин, по нейтрализации активности противников официальной церкви. Значение темы определяется еще и тем, что в настоящее время ведется поиск новых форм взаимоотношений государства и церкви. При этом важно избежать ошибок, допущенных светской властью в синодальный период. Как известно, излишняя опека со стороны государственной власти привела к неблагоприятным последствиям для православной церкви и, в конечном счете, повредила самодержавию.

Возникновение и деятельность православных церковных братств Европейского Севера России демонстрирует, в какой степени церковные и светские власти готовы были пойти навстречу обществу в его стремлении реформировать церковные институты, показывает, в какой степени само общество было заинтересовано в таком реформировании.

Таким образом, актуальность исследования выбранной темы обусловлена необходимостью поиска современных социальных моделей построения гражданского общества в контексте процессов выстраивания Русской православной церкви с обществом и государством.

Степень научной разработанности проблемы в отечественной историографии может быть представлена посредством трех исследовательских уровней. Первый уровень связан с изучением процессов, происходивших в Русской православной церкви, государственной политики в отношении духовенства. В силу своей тематической широты, эта проблема исследуется многими представителями гуманитарного и общественного знания: историками, политологами, религиоведами. Внимание исследователей сосредоточено на изучении роли религиозного кризиса как составной части общего кризиса

Российской империи¹, организации государственного контроля над православной церковью², политики самодержавия в отношении старообрядцев и иноверцев, проживавших на окраинах³.

В число этих работ следует включить из дореволюционных исследований: работу профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского и исследование протоиерея Петра Смирнова⁴, из эмигрантской историографии: работы протоиерея Александра Шмемана, Н.М. Зернова, А.В. Карташева и Н.Д. Тальберга. В советской историографии эта группа представлена именами Б.В. Титлинова, Н.М. Никольского и Е.Ф. Геркулова, статьями в различных научных сборниках.

С середины 1990-х гг. появляются также обобщающие исторические исследования, посвященные широкому спектру вопросов, связанных с религиозной политикой имперского правительства в отношении православной церкви, духовенства как сословия и его взаимоотношений с другими общественными стратами⁵. Научная значимость исследований данного уровня заключается в формировании теоретических и методологических основ изучения процессов, происходивших в духовной сфере социальной жизни России в соответствии с современным уровнем осмысления и представления исторического знания.

Второй уровень представлен исследованиями истории Европейского Севера России рубежа XIX-XX вв.⁶ Данные научные труды позволили вы-

¹ Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917 гг. М., 2003.

² Козлов Ю.Ф. Союз короны и креста. Саранск, 1995.

³ Римский С.В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике в XIX столетии // Вопросы истории. – 1998. – № 3. – С. 25-44.

⁴ Смирнов П. История христианской православной церкви. - М., 1994.; Знаменский П.В. История русской церкви. М., 2000.; Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1989.; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991.; Карташев А.В. Собрание сочинений в 2 т. Том 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1992.; Тальберг Н.Д. История Русской церкви. 1801-1908 гг. Православие и современность. Электронная библиотека; Титлинов Б.В. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924.; Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.; Геркулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1969.

⁵ Алов А.А. Православие в России. М., 1995.; Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-ых — 1918 гг.). М., 2002.; Его же. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007.; Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.; Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005.

⁶ Голикова Н.И. Землепользование и землевладение северного государственного крестьянства в пореформенные годы XIX века. // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989.; Кораблев Н.А. Морское рыболовство Карелии во второй половине XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1980.; Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX — первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998.; Молчанов Б.А. Социально-экономическое положение Европейского Севера России в XIX — начале XX века. // Россия на пороге XXI века: закономерности и проблемы развития. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Архангельск, 1999.;

явить то место, которое церковь занимала в общественной жизни региона, и характеризовать северное общество в целом. Во многих из них изучению положения православной церкви отведена значительная роль.

Третий уровень представлен комплексом исследований по истории общественных объединений в рамках Русской православной церкви в целом и православных церковных братств в частности. Он может быть разделен на три периода: дореволюционный (1860-е гг. – 1917 г.), советский (1917 г. – 1990 г.) и постсоветский (с начала 1990-х гг. по наше время). Историография дореволюционного периода уделяла мало внимания изучению православных братств, в основном эта тема была представлена брошюрами-очерками А.А. Папкова и В. Введенского. Периодически появлялись напечатанные отдельным тиражом речи местных исследователей по вопросам, связанным с деятельностью того или иного братства⁷. Данные работы носят в основном апологетический характер, их авторы редко пытались анализировать процессы, происходящие в современных им братствах, ограничиваясь лишь их описанием. Интерес к братствам в то время объяснялся, прежде всего, их быстрым и повсеместным распространением на территории Российской империи за 20-30 лет с момента начала братского движения. Научная ценность исследований данного этапа состоит в том, что современные ученые могут благодаря им проследить взгляд современников братств на это явление в религиозной жизни и воспользоваться зафиксированными в них данными и разработками.

После революции 1917 г. история общественных церковных объединений на долгое время оказалась под негласным запретом, лишь в 1980-х гг. на эту сторону деятельности православного духовенства начали обращать внимание отдельные советские исследователи. При этом, даже в случае признания фактов существования церковных общественных и благотворительных церковных обществ (например, обществ трезвости), им давалась отрицательная оценка как учреждениям, использовавшимся для монархической церковной черносотенной пропаганды⁸. Научной ценности подобные работы для данного исследования не представляют и рассматриваются лишь как свидетельства влияния политической конъюнктуры на историографию.

Для современного этапа исторических исследований православных церковных братств характерно большее в сравнении с предыдущими периодами внимание к региональным аспектам деятельности этих общественных

Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000.; Ханнес Сихво и др. История карельского народа. Петрозаводск, 1998.

⁷Папков, А.А. Церковные братства, краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 г. СПб., 1893.; Введенский В. Православные церковные братства (1864 — 8 мая — 1914). Отдельный оттиск из журнала «Церковные ведомости» за 1914 год. СПб., 1914.; Бердников И.С. Церковные братства в виду современных потребностей православной церкви и общества. Публичная лекция, читанная в Казани 3 марта 1868 г. бакалавром казанской духовной академии И. Бердниковым в зале дворянского собрания в пользу местного братства святителя Гурия. Казань, 1868.; Голубинский Е.Е. О реформе в Русской церкви. // Православная община. – 1991. – №5-6. - С. 62-69.

⁸Религия и церковь в истории России (советские историки о православной церкви). М., 1975.; Церковь в истории России (IX в. - 1917 г.). Критические очерки. М., 1967.

организаций. Активно используя фактографический материал, собранный дореволюционными исследователями, современные историки зачастую отходят от концептуальных взглядов своих предшественников, стараясь проявлять научную объективность при анализе деятельности братств. Тем не менее современные работы историков-регионоведов часто характеризуются той же описательностью, что и работы дореволюционных историков, в то время как современная наука требует более глубокого анализа изучаемых явлений и фактов. При обилии исследований, посвященных проблемам братств того или иного региона⁹, в современной отечественной историографии крайне мало работ, в которых проблема рассматривается с теоретической и методологической стороны. Действительно научное изучение проблем возникновения и деятельности православных церковных братств осуществили авторы ряда диссертационных работ¹⁰. Единственным исследованием, в котором

⁹ Тяпин И.Н. Противораскольническая деятельность православных церковных братств на Европейском Севере России (кон. XIX – нач. XX вв.) // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 20 — 21 июня 2000. Историческое краеведение и архивы. Выпуск 7. - Вологда, 2001. - С. 213-216.; Ядрихинская Н.И. Обзор документов фонда Великоустюжского православного Стефано-Прокопьевского братства (1896-1918). // Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций, Вологда, 30 октября 1998., 16 марта 1999 г. Вып. 6. - Вологда, 2000. - С. 71-79.; Носова Т.А. Стефано-Прокопьевское православное братство в 1896-1901 годах: (К вопросу о статистических показателях членского состава миссионерской организации). // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. - Вологда, 2007. - С. 228-233.; Пулькин М.В. Языковые проблемы в деятельности Карельского православного братства (1907-1917 гг.) // Прибалтийско-финское языкознание. - Петрозаводск, 2003. - С. 184-190.; Витухновская М.А. Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г). / Отв. ред. В. М. Пивоев. - Петрозаводск, 2000. - С. 80-89.; Калитина Т.А. Пермские благотворительные общества (XIX в.). // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры (сборник статей). В 2-х тт. Т. 1. - Сыктывкар, 1996. - С. 124-131.; Канатьева Н.С. К истории Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства // Вестник АГТУ. - 2006. - № 5 (34). - С. 78-85.; Сомин Н.В. Кресто-Воздвиженское трудовое братство Николая Николаевича Неплюева // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. - 2008. - Вып. 1 (8). - С. 57-72.; Симора В.А. Деятельность Братства Святого великого князя Михаила Ярославича в Тверской губернии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2009. - № 105. - С. 109-112.; Шкаровский М.В. Религиозно-философские кружки, братства и общества Ленинграда в 1920-х годах // Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. - 2007. - Т. 8. - № 2. - С. 247-252.

¹⁰ Гажва И.А. Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX - начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гажва И. А. Иваново, 2008.; Дорофеев Ф.А. Эволюция православных братств Руси/России. Опыт конкретно-исторического исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1998.; Иванова Л.В. Православные братства и сестричества как социальная форма деятельности церкви: Автореф. дис. ... степени канд. ист. наук. М., 2000.; Носова Т.А. Православные братства Вологодской епархии в конце XIX — начале XX вв. : Автореф. дис.канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006.; Понятов А.Н. Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дис. ...

обобщен и теоретически проанализирован обширный материал по истории православных братств в рамках всей России, является на сегодняшний день монография Ф.А. Дорофеева¹¹, который придерживается положения об эволюционном пути развития русских православных братств в X-XX вв.

Историографический обзор показывает, что исследование православных церковных братств в отечественной историографической традиции насчитывает более полутора столетий и связано с изучением и анализом самых разных вопросов создания, организации и деятельности этих общественных организаций. Тем не менее представленный историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что концептуальное осмысление процессов, происходивших в Русской православной церкви, в частности связанных с развитием православных братств, не получило комплексной научной разработки. Также необходимо отметить, что история православных церковных братств Европейского Севера России не являлась до сих пор предметом обобщающих исторических исследований.

Объектом исследования является религиозная жизнь Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX в.

Предметом исследования является миссионерская, просветительская и благотворительная деятельность православных церковных братств.

Целью диссертационного исследования является изучение процесса становления и развития православных церковных братств на Европейском Севере России.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить предпосылки возникновения православных церковных братств на Европейском Севере России, сравнить их с братствами других регионов, выявить отношение церкви и общества к существованию православных братств в пореформенную эпоху;

- изучить особенности создания и функционирования церковно-приходских попечительств и братств в северных епархиях, определить степень влияния приходских организаций на ситуацию в приходах;

- проанализировать на примере Европейского Севера борьбу духовенства против старообрядческих и сектантских учений, определить роль православных братств в этой борьбе;

- дать оценку деятельности православных братств внутри корпорации духовенства и общества в целом.

канд. ист. Наук. Казань, 2007.; Рягузов С.С. Общественно-политическая деятельность православного приходского духовенства Европейского Севера России в конце XIX — начале XX вв.: Дис... канд. ист. наук. Архангельск, 2009.; Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. (Из фондов Российской государственной библиотеки).

¹¹ Дорофеев Ф.А. Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Нижний Новгород, 2006.

Хронологические рамки данного исследования: 1864 — 1918 гг. За точку отсчета принимается 8 мая 1864 г., когда были приняты «Основные правила для учреждения православных братств», апогея своего развития братства достигли в 1890-е – 1910-е гг. Заканчивается же этот период 1918 г. на Поместном соборе, в документах которого братства упоминались как одна из желательных форм церковно-общественной жизни в новых условиях. Братства должны были стать для церкви защитой от гонений новой власти, что, безусловно, открывало новые возможности развития этих обществ. К 1918 г. относятся и последние исторические свидетельства деятельности северных православных братств. Это дает нам возможность выделить указанные хронологические рамки как особый период в истории православных церковных братств.

Территориальные рамки исследования включают территорию Европейского Севера России, а именно территории Архангельской и Холмогорской епархии, Вологодской и Великоустюжской епархии и Олонецкой и Петрозаводской епархии в границах начала XX в. Это позволяет исследовать деятельность православных братств на Европейском Севере в целом и выявить особенности их деятельности в отдельных епархиях.

Методологическая основа исследования представлена несколькими составляющими. Одной из основ методологической базы является модернизационная парадигма. В соответствии с ней возникновение и деятельность православных церковных братств рассматривается в контексте модернизационных процессов как в российском социокультурном пространстве в целом, так и в Русской православной церкви в частности. Подобная трактовка модернизационной парадигмы позволяет, во-первых, выделить этапы в рассматриваемом периоде, характеризующие постепенное включение церковной интеллигенции и мирян Европейского Севера России в братскую деятельность, исходя из специфики российской модернизации, во-вторых, определить эффективность такой формы общественного объединения, как православные церковные братства, и, в-третьих, проанализировать степень вовлеченности духовенства в модернизационные процессы.

Основными принципами осмысления исследуемой проблемы стали принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволяет выяснить положение приходского духовенства в условиях системного кризиса государства. Он достигался путём рассмотрения всех исторических фактов, явлений и событий в развитии и взаимосвязи в соответствии с конкретно-историческими условиями развития северного региона в контексте истории страны. Принцип объективности реализовывался с опорой на факты, не подогнанные под определённую схему. Каждое историческое явление рассматривалось в совокупности его положительных и отрицательных сторон. Принцип объективности достигался благодаря учёту всех концепций и взглядов по изучаемой теме, поиском истины.

В диссертационном исследовании использованы три группы методов: общенаучные (исторический и логический, анализа и синтеза, индукции и де-

дукции), специально-исторические (проблемно-хронологический, сравнительный, типологический) и методы смежных наук (статистический). Исторический и логический методы реализовывались путём изучения и анализа совокупности исторических фактов и источников, их систематизации и последующего критического обобщения. Методы анализа и синтеза, индукции и дедукции помогали выявить общие и особенные черты в деятельности православных церковных братств в различных условиях. Использование проблемно-хронологического метода дало возможность изучить в хронологической последовательности этапы развития братской деятельности. Статистический метод помог выяснить социальные процессы в приходской жизни во второй половине XIX – начале XX вв. Сравнительный метод осуществлялся при сравнении процессов, происходивших в братствах различных регионов России. Типологический метод использовался при выявлении общих закономерных черт исследуемого объекта. Статистический метод позволял выявить динамику роста и увеличение капитала братств. На основе совокупности научных принципов и методов исследования, привлекая ранее неизвестные науке материалы, автор стремился показать объективную картину становления и развития деятельности православных церковных братств как объединений мирян и духовенства на Европейском Севере в изучаемый период.

Источниковая база исследования представлена несколькими видами источников, в частности: законодательными актами, делопроизводственными материалами, статистическими и справочными изданиями, а также личными источниками и периодическими изданиями.

К законодательным источникам относится Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О правилах для утверждения православных церковных братств» от 8 мая 1864 г.¹² Проект правил был разработан совместно министром внутренних дел П.А. Валуевым и обер-прокурором Святейшего Синода А.П. Ахматовым. Под православными церковными братствами в нем понимались «общества, состоящие из православных лиц разного звания и состояния, для служения нуждам и пользам православной церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения православных храмов, для дел христианской благотворительности и утверждения духовного просвещения».

Вторая группа источников – делопроизводственные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Национальном архиве Республики Карелия (НАРК), Государственном архиве Архангельской области (ГААО) и Государственном архиве Вологодской области (ГАВО).

Большую важность имеют для диссертации также документы из фондов РГИА, в частности дело из фонда канцелярии Министерства внутренних дел

¹² Полное собрание законов Российской империи. - СПб., 1867. - Т. 39. - №40863.

«Об утверждении уставов братств в различных губерниях»¹³. В основном же использованы документы фонда 796, канцелярии Святейшего Синода, большая часть из которых — личного происхождения. К документам личного происхождения, использованным в диссертации, относится личная переписка Киевского митрополита Арсения II Москвина по вопросу о вновь возникающих православных братствах, содержащаяся в фонде канцелярии Святейшего Синода в РГИА¹⁴.

При написании исследования использовались также документы Кемского отделения Архангельского православного Беломорско-Карельского братства, хранящиеся в НАРК (ф. 180). Они дают возможность оценить степень самостоятельности в принятии решений отделением совета братства. Журналы заседаний членов отделения православного Карельского братства в г. Пудож (ф. 736) отражают специфику организации братского дела в Олонецкой епархии.

Из документов, хранящихся в ГАВО, использованы дела из фонда Вологодской духовной консистории (ф. 496), позволяющие рассмотреть процесс создания и деятельности православных церковных братств в данной епархии.

В ГААО были исследованы документы фонда Архангельской духовной консистории (ф. 29). Материалы фонда отражают процесс создания православных братств в Архангельской епархии, а также особенности взаимоотношений между советами братств и управлением епархии. Анализируя эти документы, можно выявить причины создания тех или иных братств, определить отношение приходского духовенства и представителей церковной бюрократии к возникновению братств. Переписка по вопросу о создании православных братств и проекты их уставов, в обязательном порядке отсылавшихся в консисторию, позволяют глубже понять механизм реализации Правил 1864 г. на местах.

Для написания работы исследовались также дела из фонда 28 (Архангельский епархиальный училищный совет). Так как отдельные православные братства осуществляли в своей деятельности просветительские задачи, то в той или иной мере им приходилось взаимодействовать с этим органом. Примером тому служит совместная деятельность в Беломорской Карелии Архангельского епархиального училищного совета с братством св. Архангела Михаила¹⁵. Кроме того, использовались и документы, содержащиеся в фонде Архангельского епархиального миссионерского комитета (ф. 830) для раскрытия темы миссионерской деятельности православной церкви. Известно, что председатель миссионерского комитета Фантин Леонтиевский был в 1893 году назначен в комиссию по разработке устава епархиального противораскольнического братства¹⁶. В диссертации использовались документы из фондов православных братств,

¹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 26. Д. 1270.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 355, 358, 360, 370.

¹⁵ ГААО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 37.

¹⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 835.

существовавших в Архангельской, Олонецкой и Вологодской епархиях. Это братство Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова при Архангельской духовной семинарии (ф. 814), совет Архангельского православного Беломорско-Карельского братства при Архангельской духовной консистории (ф. 1741), Сольвычегодское отделение Великоустюжского совета Стефано-Прокопьевского братства Вологодской епархии (ф. 1393), Яренское отделение Великоустюжского совета Стефано-Прокопьевского братства Вологодской епархии (ф. 1421) и Каргопольское православное миссионерское братство во имя Александра Ошевенского Олонецкой епархии (ф. 1512).

В делопроизводственных документах братств особого внимания заслуживают следующие виды документов: журналы заседаний совета и общих собраний братств, переписка по различным вопросам с другими организациями и частными лицами, приходорасходные книги и отчеты членов совета братства, статистические сведения о составе братств. Использование делопроизводственных материалов позволяет реконструировать историю православных церковных братств на Европейском Севере России, а также выявить их специфику в общероссийском контексте.

К статистическим источникам относятся Памятные книжки северных губерний, которые дают нам представление о количестве общественных организаций в губернии и состоянии губернии в целом. Их ценность для данного исследования заключается в том, что благодаря им можно составить представление о тех тенденциях в общественной и экономической жизни, которые существовали в губерниях Европейского Севера России в изучаемое время. На основании этих источников можно делать обобщающие выводы о степени развития общественных отношений, а также выявить изменения, происходившие в составе наиболее крупных общественных объединений, проследить динамику их развития.

Большой интерес с источниковедческой точки зрения представляют до-революционные издания пропагандистского или мемуарного характера. Это, прежде всего, брошюры, представляющие собой выдержки из церковной периодической печати. В них отражен взгляд современников на религиозную и социальную обстановку в исследуемых регионах: «Путешествие Преосвященного Никанора по Карелии», «Панфинская пропаганда в Русской Карелии», «О религиозном состоянии обитателей Печорского края» из путевых заметок Ф. Истомина, работа А.А. Жилинского «Лопари и наше законодательство». Отдельного упоминания заслуживает публичная лекция под названием «Церковные братства в виду современных потребностей православной церкви и общества», читанная в Казани 3 марта 1868 г. бакалавром Казанской духовной академии И. Бердниковым в зале дворянского собрания в пользу местного братства святителя Гурия. Данная группа источников ценна тем, что представляет исследователю возможность проанализировать отношение современников братств к тем проблемам, которые создали условия для

их возникновения, так как они являются непосредственным продуктом рефлексии авторов.

Важное значение при написании диссертационного исследования имели публикации в местном периодическом органе духовной консистории - «Архангельских епархиальных ведомостях», а также «Архангельских губернских ведомостях», «Олонецких губернских ведомостях» и «Церковных ведомостях». В работе использованы статьи и сообщения из пятидесяти номеров этого издания. В «Архангельских епархиальных ведомостях» опубликована и основная статья священника Михаила Попова «О приходском братстве», в которой содержатся теоретические положения и практические советы по развитию братского движения¹⁷.

Большинство публикаций в периодической печати составляют подробные отчеты о приходе и расходе средств братств и попечительств, основных достижениях на пути решения братских задач и количестве членов братства за истекший год. Используются также отчеты о деятельности братств, выходявшие отдельными тиражами.

Заявленная тема обеспечена источниками разных видов. Их изучение позволяет охарактеризовать православные братства Европейского Севера России, их роль в миссионерской, благотворительной и просветительской деятельности местного духовенства. Многие архивные документы впервые вводятся в научный оборот. Использованные публицистические источники не только информируют о фактах, но и отражают отношение их авторов к православным церковным братствам. Привлеченные для работы личные источники содержат субъективную, но полезную для понимания периода информацию. Эти и другие особенности были учтены при источниковедческом анализе. Источники отличаются разнообразием, но они были рассмотрены в совокупности, что помогло избежать односторонности при изучении данной темы. Существующая источниковая база делает возможным глубокое и полное изучение заявленной темы.

Источниковая база отвечает требованиям репрезентативности и достоверности.

Научная новизна работы обуславливается концептуальным осмыслением истории православных церковных братств в контексте процесса модернизации, построенном на использовании широкого круга источников. Осуществлено теоретико-методологическое исследование процесса встраивания православных братств в общественную и религиозную жизнь пореформенной России. Изучена роль в их организации представителей местной церковной интеллигенции и других слоев населения. Проанализирована источниковая база по истории православных братств на Европейском Севере России. Выделены такие виды православных братств, как епархиальные (викарные) и приходские, и реконструирована история их деятельности в рамках трех губерний: Архангельской, Вологодской и Олонецкой. Установлена взаимосвязь

¹⁷ Попов М. О приходском братстве // АЕВ. - 1900. - № 15-16. - С. 390-420.

модернизационных процессов в российском обществе в целом и в православной церкви в частности.

Теоретическая значимость работы. Теоретические построения работы, примененные в ней методы исторического анализа и синтеза могут быть использованы в исследованиях по истории Европейского Севера России. Выводы диссертации и проанализированный в ней материал активизируют исследование проблем, связанных с религией, идеологией, социальным положением различных групп населения и другими аспектами внутривнутриполитической жизни российского общества, в его прошлом и настоящем. Изучение предмета под таким углом исследования позволяет отойти от односторонних трактовок процессов, происходивших в Русской православной церкви в конце XIX – начале XX вв.

Практическая значимость работы. Основные положения, фактический материал и выводы диссертации могут быть использованы в процессе преподавания вузовских курсов истории России, во внеучебной и научно-исследовательской работе студентов, а также при разработке других научных проблем по отечественной истории, краеведению и религиоведению. В свете возросшего в последние годы значения религиозного фактора для жизни россиян стало особенно актуальным изучать и анализировать опыт общественной самоорганизации в рамках религиозных обществ. Уроки прошлого стоит учитывать как при законотворчестве, так и при воспитании будущих поколений.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на кафедре отечественной истории Поморского государственного университета. Основные положения и выводы диссертации отражены в докладах автора на 1 международной, 1 всероссийской, 3 региональных конференциях. Наиболее значимые из них: XXVII Международная научная конференция «Человек в условиях мировых природных и социальных катаклизмов» (Санкт-Петербург, 2010), II Всероссийская конференция «Проблемы интерпретации исторических источников» (Архангельск, 2010) и III Региональная научная конференция «Православие в Карелии» (Петрозаводске, 2007). Основные положения работы отражены в опубликованных по теме исследования 6 научных статьях, в том числе в 1, опубликованной в ведущем научном журнале в соответствии с перечнем ВАК Министерства образования и науки РФ. Общий объем публикаций по материалам диссертации составил 3,1 п. л.

Структура работы. В основе диссертации лежит проблемно-исторический подход. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

II. Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель, задачи, территориальные и хронологические рамки исследования, дается историографический обзор и характеристика источников, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе **«Православные церковные братства в Российской империи в XIX в.: причины создания и особенности организации»** рассматриваются особенности православных церковных братств второй половины XIX в., их отличия от братств, существовавших в западнорусских землях в XVI-XVII вв., анализируются отношение к братствам со стороны церковных и светских властей, а также процесс создания православных церковных братств на Европейском Севере России.

К началу 1860-х гг. в России все более очевидной и острой становилась потребность в модернизации не только экономической, но и социально-политической сферы общественной жизни. Необходимо было не просто изменить некоторые законы и уставы, но кардинально изменить образ жизни целого государства. Естественно, что ни одно из сословий не могло оставаться незатронутым модернизационными процессами. Внимание большинства исследователей традиционно было приковано к изменениям, происходившим в положении крестьянства как наиболее многочисленного из сословий того времени. В то же время судьба духовенства и церкви, как правило, не удостоивалась такого внимания, о церковных реформах часто забывали. Между тем в среде духовенства существовало такое же расслоение, как и в крестьянской среде: наряду с духовенством неблагополучных сельских приходов существовало относительно состоятельное городское духовенство, поддерживаемое щедрыми пожертвованиями купцов, дворян, высшего чиновничества, кроме того, существовал слой «черного» духовенства, монашества, представители которого, в отличие от представителей «белого» духовенства, могли сделать успешную карьеру, получить епископскую кафедру или место настоятеля почитаемого монастыря. Эти противоречия, а также и ряд других проблем, таких как финансовое обеспечение духовенства и оберегание церкви от иноверцев, предстояло решить светскому правительству, так как именно в его подчинении находилась государственная церковь.

Реформировать церковь было не легче, чем освободить крестьян от крепостной зависимости. Устремления реформаторов без воодушевления, если не болезненно, воспринимались действительными «князьями церкви» - епископами, архиепископами и митрополитами. Одним из наиболее сложных вопросов модернизации церкви был вопрос о привлечении к участию в религиозной жизни мирян. В то время как правительство предполагало

введение практики церковно-приходских советов, главную роль в которых играли бы выборные лица из мирян, церковные иерархи предлагали заменить их братствами, возглавляемыми лицами духовного звания. Особенно ярко идею включения братств в систему церковной иерархии отстаивал Киевский митрополит Арсений, противник вмешательства губернских и министерских властей в дела воссоздаваемых братств.

С точки зрения представителей епископата, было необходимо изначально изолировать братства как от излишней опеки «сверху», так и от чрезмерной инициативы «снизу». В противном случае братства могли быть легко превращены в подобие лютеранских приходских организаций или в орудие противников епископской власти. Новые братства не должны были быть похожи на своих исторических предшественников, братства Украины и Белоруссии, которые легко вмешивались в дела духовенства и подвергали критике епископов, стремившихся к унии с католичеством и подчинению польско-литовскому государству.

По мнению правительства, братства должны были привлечь внимание общества к сложному положению приходского духовенства, решить, по крайней мере отчасти, такие проблемы, как финансовое обеспечение клира, повышение авторитета духовного сословия, защита официальной идеологии от наступления религиозного и материалистического инакомыслия.

Исходя из высказываний ряда представителей церковной и светской интеллигенции того времени (А. Папков, В. Введенский, И. Бердников), можно сделать вывод, что они были склонны идеализировать братства, и связывали их создание с пробуждением народного сознания и началом общественной самодеятельности, которые должны были привести к оживлению приходской жизни.

«Основные правила для учреждения православных церковных братств», принятые 8 мая 1864 г., явились своеобразным компромиссом между правительством и церковью, гарантировавшим определенную степень безопасности этих учреждений и с иерархических, и с политических позиций: уставы братств утверждались и епископами и губернаторами. Тем не менее круг занятий братств, определенный «Основными правилами», был достаточно широк, что давало организаторам братств возможность проявить себя во многих сферах религиозной жизни: от книгоиздательства и миссионерства, до просвещения и благотворительности.

К началу 1880-х гг. православные церковные братства действовали во многих центральных губерниях Европейской России, в основном в Западном крае, в Поволжье, Москве и Санкт-Петербурге. По мере развития модернизационных процессов православные церковные братства стали постепенно появляться и на периферии: на Европейском Севере и за Уралом.

На Европейском Севере России проблемы, вызванные догоняющей модернизацией страны, были еще острее, чем в целом по России. Это было связано с экономико-географическим положением региона. Для обеспечения потребностей человека на Европейском Севере требовалось больше ресурсов,

больше затрат, чем в южных регионах, а представители духовного сословия не были производителями ресурсов, они всецело зависели от щедрости своей паствы. Крестьяне, обладавшие ограниченной ресурсной базой, рассматривали священников и церковнослужителей как лиц, живущих на нетрудовые доходы и, кроме того, имеющих большие земельные наделы, которые они были не в состоянии обработать. Таким образом, священники были вынуждены объединяться в целях сословной взаимопомощи, в частности — для обучения своих детей. Из этой потребности вышла идея создания братства святого Иоанна Богослова при Архангельской духовной консистории.

Целью этого общества, созданного в 1882 г. было «вспомоществование бедным учащимся семинарии»¹⁸. Согласно уставу, попечение выражалось такими действиями, как уплата денег за содержание полупансионерами учеников, снабжение их книгами, учебными пособиями, одеждою, обувью и другими вещами. Братство оказывало эффективную и адресную помощь семинаристам на протяжении 36 лет. В числе членов братства были не только представители духовенства, но также купцы (А.Ф. Савин, А.И. Вальнев и др.) и чиновники (губернаторы А.П. Энгельгардт, Н.Д. Голицын и др.). Это обстоятельство предотвратило негативные последствия сословной замкнутости, которые могли бы возникнуть при организации братств сословной взаимопомощи. Допуск мирян к решению вопросов материального обеспечения клира был единственным залогом жизнеспособности самого клира. Если мирянин привлекался к оказанию финансовой поддержки церкви, он должен был знать — на какие нужды идут его средства, кому конкретно из духовного сословия и на каком основании они были переданы. Если дело попечения оставалось внутрисословным делом — никто не мог дать гарантии справедливого распределения средств, так как вся информация оставалась в тесном кругу самих распределителей.

Материалы, использованные в данной главе, дают возможность прийти к следующим выводам. Братства, созданные в результате церковных реформ значительно отличались от тех братств, что существовали на русских землях, входивших в состав Речи Посполитой в XV-XVII вв. Они были изначально встроены в общегосударственную вертикаль власти и подчинялись епископам, а через них — Святейшему Синоду. Это обстоятельство могло вызывать неприятие братств со стороны демократически настроенных слоев русского общества и мало способствовало проявлению инициативы «снизу» при их учреждении. Тем не менее, церковная интеллигенция, как наиболее прогрессивная часть духовенства, постепенно осознала потенциал православных братств как объединений, способных сблизить церковь и общество для решения, прежде всего, внутрисословных проблем, таких как бедственное положение детей священников и церковнослужителей. Примером такого объединения стало братство во имя святого Иоанна Богослова в Архангельске.

Следует признать, что, несмотря на эффективность использования такого института как братство для решения проблем финансирования духовного

¹⁸ ГААО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 1а. Л. 5.

сословия, оно далеко не всегда встречало поддержку в рядах самого духовенства. В качестве примера можно привести судьбу проекта создания святого Архангела Михаила, которое предполагалось как братство взаимопомощи духовенства, но так и не было учреждено, а его функции были возложены на эмеритальную кассу и попечительство о бедных духовного звания, которое, как показано в диссертации, весьма слабо справлялось со своими обязанностями.

Во второй главе **«Культуртрегерская деятельность православных братств на Европейском Севере России рубежа XIX – XX вв.»** рассматривается миссионерская и религиозно-просветительская деятельность крупных православных братств в целях укрепления православной культуры и идеологии, как среди русского населения Европейского Севера, так и среди коренных финно-угорских народов. Хронологически появление епархиальных братств можно отнести ко второму этапу братского движения (после братств сословной взаимопомощи). В качестве примеров епархиальных и викарных братств, деятельность которых носила культуртрегерский характер, в главе рассматриваются: Вологодское православное церковное братство во имя Всемилостивого Спаса, Великоустюжское Стефано-Прокопьевское братство, братство Св. Александра Свирского в Олонецкой епархии, Миссионерское братство преподобного Александра Ошевенского в Каргопольском викариатстве и Архангельское православное Беломорско-Карельское братство во имя Архангела Михаила, совет которого располагался в г. Архангельске, а отделение в г. Кеми.

С развитием системы духовного образования в последней трети XIX в. в России, как в центре, так и на периферии, активно формируется прослойка духовной интеллигенции. Это востребованная модернизацией образованная часть церковного сословия: преподаватели семинарий, выпускники духовных академий, миссионеры, редакторы и сотрудники органов церковной печати, члены консисторий и просто образованные священники городских и сельских приходов. Их объединяло весьма сложное отношение к простому народу, с одной стороны, являвшемуся носителем православных идеалов, с другой – остававшемуся «темной» и «невежественной» массой, которую необходимо было просветить в вопросах православной веры. В этих условиях перед церковной интеллигенцией стояла «апостольская» благородная задача просвещения народа в русле православной культуры. В противоположность светским культуртрегерам, видевшим основную задачу просвещения в сообщении народу точных знаний, культуртрегеры духовные видели цель в воспитании народа на основе христианских истин. Таким образом, первые старались ускорить модернизацию, чтобы догнать Запад, в то время как вторые стремились к тому, чтобы, догоняя Запад, русские не потеряли национально-религиозную идентичность.

Часть церковной интеллигенции периферии, в частности Европейского Севера России, уже в 1860-х гг. пришла к выводу о необходимости сплочения разных общественных сил в религиозно-просветительских целях. На это

указывают попытки организации братских организаций в Сорочком приходе Кемского уезда¹⁹ и других селах. Но социальная база для подобных объединений к тому времени еще не созрела, да и церковные власти не были еще к этому готовы. Утверждение идеи создания братств как необходимой основы для продуктивного ведения миссионерской и просветительской деятельности в сознании духовенства происходило постепенно. Как и любой другой модернизационный процесс, он распространялся диффузно от центра к периферии и зависел от конкретных экономических, географических и социальных условий того или иного региона. При этом одновременно с относительно открытыми для мирян братствами могли сохраняться учреждения, в которые по-прежнему входили только представители духовенства. Так, в Вологодской епархии действовали одновременно епархиальный училищный совет и братство во имя Всемилоуемого Спаса, которое оказывало церковно-приходским школам некоторую материальную помощь. В Великоустюжском викариатстве функции епархиального училищного совета полностью исполнялись Стефано-Прокопьевским братством. В Архангельской епархии действовал только епархиальный училищный совет, но в Кемском уезде с 1908 г. существовали братские школы, открытые и поддерживаемые братством св. Архангела Михаила. Таким же образом обстояло и дело обеспечения нужд миссии, в некоторых случаях они могли содержаться за счет братства – иногда за счет миссионерского комитета (совета, комиссии), то есть на средства казны. Это дает нам основание сделать вывод о сосуществовании двух организационных форм, позволявших церковной интеллигенции вести культуртрегерскую деятельность. Эти формы можно условно обозначить как комитетскую и братскую. Их различия подробно описываются в тексте главы.

Важным было место, занимаемое православными церковными братствами в проведении национальной политики государства на окраинах Российской империи. С обострением противостояния между финскими националистами и центральной властью на Европейском Севере России встал вопрос о судьбе родственного финнам карельского народа, проживавшего на территориях Олонецкой и Архангельской губерний. В силу того, что национальный вопрос был, в представлении людей той эпохи, неразрывно связан с вопросом религиозным, православные братства указанных губерний были вовлечены в его решение. В главе анализируется вклад Православного Карельского братства (Олонецкая епархия) и Архангельского православного Беломорско-Карельского братства во имя св. Архангела Михаила (Архангельская епархия) в процессе просвещения карельского народа. Они были созданы в 1907-1908 гг. в качестве не только религиозных, но и политических центров, объединявших правую интеллигенцию, духовенство, чиновничество и купечество в ответ на национально-освободительное движение, особенно усилившееся после революции 1905-1907 гг. Для этих братств была характерна определенная политическая позиция: открытые контакты с фракцией П.Н.

¹⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 2 т. 4. Д. 505. Л.1.

Балашева в третьей Государственной думе²⁰, объявление себя «союзом русских деятелей»²¹, призывы к введению военно-патриотического воспитания в школах духовного ведомства²².

В уездах, населенных этническими карелами были созданы церковно-приходские братские школы, при которых организовывались приюты для детей из удаленных деревень, священниками и другими членами братств велось наблюдение за эmissарами финских религиозных и политических организаций, посещавшими Карелию. С помощью состоятельных братчиков восстанавливались сельские храмы, имевшие как религиозное, так и историческое значение.

Тем не менее нет оснований для идеализации братств как формы религиозно-просветительской деятельности того времени. И в них присутствовали элементы формализма и бюрократизма, свойственные всем организациям подобного рода. Братства зачастую приобретали комитетский характер, по мере отхода мирян от активного участия в их деятельности главную роль продолжало играть духовенство. По причине консерватизма своей идеологии оно рассматривало братства лишь как инструмент сохранения status quo, но не как институт обновления религиозной и общественной жизни. Наиболее значительными были усилия епархиальных и викарных братств именно в направлении развития начального религиозного образования низших слоев населения, а также сохранении памятников церковной истории, но, как показывает исторический опыт Архангельской епархии, достижение этих целей не обязательно было связано с деятельностью братств, а могло быть следствием деятельности узкого круга просвещенных священнослужителей.

На основании приведенных в главе данных делается вывод о неспособности представителей церковной интеллигенции встать выше своих представлений о народе как о пассивном, подчиненном начале, нуждавшемся в исключительно религиозном просвещении. Народ в представлении братских деятелей был «слепым» и «темным», что оправдывало их культуртрегерскую деятельность. Деятельность братств в отношении коренных народов Европейского Севера России объяснялась с точки зрения субъективно понимаемых национальных интересов русского народа и государства, которые считались естественными и для других народов России.

Однако даже при наличии крупных успехов в поддержании церковно-школьной сети и миссионерстве, епархиальные и викарные братства не могли в серьез конкурировать со своими светскими соперниками и, тем более, с Финляндией, население которой стояло на более высоком уровне развития и могло предложить карельскому населению больше возможностей для образования и экономической деятельности. Принимая во внимание тот факт, что на стороне епархиальных братств был достаточно сильный административный ресурс, а также и финансовая поддержка не только со стороны влиятель-

²⁰ НАРК. Ф. 736. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

²¹ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 60. Л. 12.

²² НАРК. Ф. 736. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

ных церковных деятелей, таких как И.И. Сергиев, но и со стороны представителей крупной и средней буржуазии, их успехи могли бы быть гораздо значительнее. Также затрудняло деятельность братств то, что им не удалось привлечь к участию в своей деятельности широкие слои мещанства и крестьянства.

В третьей главе **«Церковно-приходские братства Европейского Севера России и их миссионерская и благотворительная деятельность в конце XIX – начале XX вв.»** анализируется деятельность церковно-приходских братств, возникших на Европейском Севере России в ходе последнего этапа развития дореволюционного братского движения. Эти общественные организации рассматриваются как в свете выполнения ими миссионерских функций, так и функций социального служения церкви, прежде всего – христианской благотворительности.

Несмотря на то, что церковно-приходские братства появились на Европейском Севере России после появления епархиальных братств, они не являлись результатом эволюционного развития последних. Их становление было постепенным и особым процессом, вызванным внутренними противоречиями в крестьянской среде, прямо или косвенно связанными с модернизационными тенденциями в русском обществе.

В деятельности данных братств явно прослеживаются параллели с традиционными братствами юго-западной Руси, что вызвано одинаковым, по сути, процессом – столкновением с иной цивилизацией, обладающей принципиально отличным культурно-религиозным мировоззрением. Естественной реакцией на инокультурную среду (и на изменение самой среды) явилось создание братств как центров сохранения идентичности. Вполне логично то, что это объединение могло быть осуществимо только при наличии активных общественных деятелей – пользующихся авторитетом в крестьянской среде священников и «грамотеев» (начитанных крестьян). Там, где таковые лица отсутствовали, крестьянская среда толерантно относилась к соседям-раскольникам или же постепенно «уклонялась в раскол», меняя свою религиозную идентичность.

Примеры активного создания миссионерских приходских братств в конце XIX в. можно найти в традиционно старообрядческих местах – по течению Печоры (Ижма, Цильма, Уса), среднем течении Пинеги (Лавела) и нижнем течении Северной Двины (Кехта). Там приходские братства и кружки ревнителей православия действовали как объединения, позволявшие четко обозначить религиозную принадлежность одних православных, тем самым отделить их от других.

Важную роль при этом играло то обстоятельство, что функции миссионера выполнял не только специально подготовленный член причта, но и простые крестьяне, ходившие по домам староверов и проводившие с ними беседы на религиозные темы. Тем самым разрушалась монополия духовенства на миссионерскую деятельность, миряне и причт уравнивались между собой, начинали осознавать себя частью единого церковного организма. Членство в

братстве накладывало и определенные обязательства на мирян: неукоснительное посещение церкви, нравственное отношение к другим людям, соблюдение ритуалов, обучение детей грамоте. Братство дисциплинировало, учило общему решению возникавших проблем.

Города, в более сильной степени, нежели деревни, затронутые модернизацией, также испытывали потребность в консолидации общественных сил, которые не были готовы к столь кардинальным изменениям. Резкая социальная дифференциация, отсутствие уверенности в будущем и направившийся в города поток нетрудоустроенных крестьян, ставших жертвами малоземелья, – все это создало питательную среду для нищенства, ставшего острой проблемой для того времени. Промышленность, пусть и развивавшаяся большими темпами, не была готова принять такое количество рабочих рук, массы, опустившиеся на социальное дно, не имели привычки к систематическому труду – в результате многие представители маргинальных групп пользовались добротой более состоятельных граждан и жили на подаяние, заставляли своих детей просить милостыню. Решить эту проблему пытались различные общественные благотворительные организации, в том числе и приходские братства. Одним из первых таковых братств было Вологодское братство при Иоанно-Предтеченской Рощенской церкви, созданное в 1894 г. В уставе братства было прописано, что оно «имеет целью оказывать помощь бедным людям исключительно Предтеченского прихода и по мере средств распространять свою деятельность на удовлетворение духовно-нравственных нужд ононого»²³. Для достижения этой цели братство выдавало нуждающимся пособия на обучение детей в школах, на воспитание сирот, по старости и неспособности к труду, в пособие невестам, на погребение умерших и на праздники Св. Пасхи и Рождества Христова²⁴.

Завершенный характер идеология приходских братств получила в статьях настоятеля Воскресенской церкви г. Архангельска Михаила Попова, основателя Воскресенского братства. Это учреждение получило высокую оценку в центральной церковной периодической печати как «единственное пока в России по своим правильно поставленным целям»²⁵. За счет минимизации бюрократической работы и приоритета конкретного благотворения братство смогло привлечь в свои ряды более сотни членов: священников, крестьян, мещан, чиновников, купцов и интеллигенции.

Основой деятельности братства была конкретная и адресная помощь нуждающимся, отказ от бессистемного подаяния на паперти, борьба с нищенством как с явлением. Чтобы оказать бедным помощь в решении квартирной проблемы, братство взялось за строительство собственного жилого дома, которое было закончено к 1914 г. на причтовой земле. Как сообщал основатель и руководитель братства Михаил Попов в отчете: «с верхнего этажа получа-

²³ Десятая годовщина братства при Вологодской градской Иоанно-Предтеченской церкви и отчет о деятельности сего братства за время с первого мая 1903 г. по май 1904 г. - Вологда, 1904. - С. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 9.

ется 100 руб. в месяц, а с нижнего 60 р. в месяц. Кроме того, внизу помещается бесплатно священническая вдова, имеющая 7 чел. детей, муж которой $\frac{1}{2}$ года служил при нашей церкви»²⁶. Согласно дарственной, с постоянной уплаты удерживалось 20% на поддержание дома и покрытие расходов по содержанию его (а именно 32 руб. в месяц); остальная плата шла на бедных прихожан (24 руб. в месяц), в запасной социальный капитал (24 р. в месяц) и на причт за вечное служение литургии по пятницам и поминовение о здравии и за упокой (80 р. в месяц).

Деятельность приходских братств напрямую связана с важным вопросом, активно осаждавшимся в церковных и светских кругах в годы первой российской революции, — вопросом оживления жизни прихода.

В условиях, когда приход как таковой оставался организацией бесправной с финансовой и правовой точки зрения, когда руководство церкви отказывалось предоставлять приходу столь необходимые и для мирян, и для причта права, братство оставалось единственным органом, при помощи которого местные социальные акторы были в состоянии влиять на религиозную жизнь общины. Как бы ни противились церковные власти модернизации на «немецкой» манер, которую стремилась провести власть в эпоху Великих реформ, необходимость этой модернизации вновь встала перед ними полвека спустя, только уже со стороны общества. И епископат, поддерживаемый Святейшим Синодом, не дал разрешения на развитие приходского самоуправления, хотя и соглашался с необходимостью оживления приходской жизни.

Эти обстоятельства во многом оттолкнули светских деятелей от церкви, показав, что она не хочет изменений в своей структуре, сколько бы ни были они благотворны для общества и для самого православия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе своего развития православные церковные братства проделали путь от идеи, навязанной целиком и полностью государственной властью, до идеи, принятой и поддержанной низами духовного сословия, мещанством, крестьянством и купечеством. Приходские братства стали инструментом консолидации консервативных элементов общества, но для этого им пришлось отойти от вертикального принципа организации и бюрократизма, которые были характерны для более крупных епархиальных и викарных братств, созданных в предшествующий период.

В заключении диссертации подведены итоги исследования, сделаны основные выводы.

На протяжении изучаемого периода Русская православная церковь находилась в состоянии глубокого кризиса. Ряд преобразований, введенных реформами Александра II, не привел к кардинальному изменению этого положения. В то же время модернизация экономических и социальных отношений требовала приспособления церкви к новым условиям существования, превращения ее в более открытую структуру, более похожую на европейские

²⁶ Воскресенское братство при Воскресенской церкви г. Архангельска. Отчет за 1913 — 1916 гг. Архангельск, 1917. С. 1.

протестантские конфессии, чем на устаревшую византийскую модель. В этой модернизации особая роль отводилась братствам. Они должны были стать тем элементом традиции, который отчасти примирил бы епископов с идеей участия мирян в церковных делах, и в то же время привлек бы мир к финансированию местного духовенства.

Создание братств явилось ответом консервативной части общества на изменение существовавших условий духовной жизни в России. Это была реакция на неспособность официальной церкви решать стоящие перед ней задачи. Общество пришло к выводу, что церковь не в состоянии более существовать без братств. Окруженная более сильными и активными противниками: католиками и лютеранами на Западе, мусульманами на Волге и на Кавказе, старообрядцами повсеместно, атеистической интеллигенцией в городах, она не могла должным образом противостоять им без помощи государства и общества. И братствам пришлось взять на себя некоторые функции церковного аппарата — от устройства храмов и церковного пения до миссионерства и просвещения. При этом наряду с функциями церкви, такие православные церковные братства переняли и бюрократический характер, свойственный этому аппарату.

В отличие от епархиальных и викарных братств, братства приходские чаще объединяли представителей менее обеспеченных слоев населения — крестьян, ремесленников, мещан, приходское духовенство и церковнослужителей. Цели и задачи этих обществ были не столь масштабны, но это лишь повышало возможность их достижения.

Приходские братства, а также кружки ревнителей православия стали опорой для приходских священников в их миссионерской деятельности, а также и способом проявления самоидентификации прихожан в ограниченных территориальных рамках. Эти братства-кружки поддерживали в своих членах, а также и в религиозной общине в целом «нравственный стержень», позволявший не слиться с окружающим старообрядческим населением. Члены братства обеспечивали живую связь между прихожанами, посещали дома с целью проведения бесед, то есть поддерживали церковь в первоначально каноническом смысле этого слова, как союз пастыря и мирян. В них было много и от раннехристианской и от протестантской общины, при этом они взяли от протестантского Запада именно те низовые формы общественной организации, которые, по большому счету, и определили путь модернизационного развития Западной Европы.

Православные церковные братства оставались до революции 1917 г. наиболее демократичным и открытым для общества элементом церковного механизма, доступ в них был открыт представителям всех сословий. Тем не менее, они не приобрели массового характера, что не позволило им выполнить своей основной задачи — оживления религиозной, и в частности приходской, жизни. Причиной тому было отсутствие единства в братском движении. Так, культуртрегерские братства епархиального уровня объединяли, в основном, высшие слои местного общества — дворян,

чиновников, церковную и светскую интеллигенцию, в то время как церковно-приходские братства объединяли представителей низших и средних слоев населения. И интересы и цели этих слоев населения были различны, а, следовательно, отличались и цели создаваемых ими православных братств. Разной была их роль в модернизационных процессах, происходивших в России на рубеже XIX-XX вв. Если крупные братства стремились к модернизации на основе национально-культурных ценностей, путем постепенного просвещения населения страны, то малые братства играли роль социального амортизатора, сглаживающего негативные последствия наступивших изменений.

Европейский Север России представляет в этом смысле пример восприятия модернизации на периферии государства. Братства как форма общественно-религиозной организации возникли на этой территории гораздо позднее, нежели в центре и в близких к центру губерниях. Они развивались на Европейском Севере России под влиянием особых природно-географических и экономических условий: обширные территории Вологодской и Олонецкой епархий предполагали разделение их на викариатства, в которых создавались отдельные братства; отсутствие качественных внесезонных путей сообщения, связывавших между собой все населенные пункты Архангельской губернии, предопределило отсутствие в губернии единой братской сети, в силу чего приходские братства действовали изолированно друг от друга. Именно на Европейском Севере в большей степени проявились демократические начала братств. Равенство братчиков, выборность членов советов братств и подотчетность их общему собранию братчиков стали важной вехой в реформировании церкви – модернизационном процессе, которому препятствовала дореволюционная государственно-церковная система и который не завершен до сих пор.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в научных журналах в соответствии с перечнем ВАК:

1. Трофименко В.Г. Церковь и граница: деятельность православных церковных братств на территории Кемского уезда Архангельской губернии в начале XX века. // Вестник Поморского университета. Серия: "Гуманитарные и социальные науки". - 2009. - №2. - С. 28-33.

Статьи в научных сборниках:

2. Трофименко В.Г. Православные церковные братства и просвещение на Русском Севере в XIX веке. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. – СПб.: СПбГУ технологии и дизайна, 2006. - № 2. - С. 126-131.
3. Трофименко В.Г. Архангельское православное Беломорско-Карельское братство во имя св. Архангела Михаила (к 100-летию со дня основания). // Памятные даты Архангельской области. 2008 год. / Гос. архив Арханг. обл.;

[сост.: О.И. Корнеева, Н.Н. Паршина, Т.А. Санакина и др.]. Архангельск: Солти, 2007. С. 39-42.

4. Трофименко В.Г. Роль Архангельского православного Беломорско-Карельского братства в деле просвещения карельского населения Архангельской губернии в начале XX в. // Православие в Карелии: Материалы 3-й региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. С. 445-455.

5. Трофименко В.Г. Приходские братства как форма социального служения церкви на примере Архангельской губернии в конце XIX - начале XX вв. // Поморский летописец: Альманах. Вып. 3. / Под ред. Г.В. Демчук; сост. Т.А. Санакина. Архангельск: Правда Севера, 2008. С. 142-153.

6. Трофименко В.Г. Северные церковные братства накануне революции 1917 г. // Человек в условиях мировых природных и социальных катаклизмов: Материалы XXVII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 17-18 мая 2010 г. / Под ред. С.Н. Полтарака. СПб.: Издательство «Полторак», 2010. С. 172-175.